

Когда тает снег, стужа берет свое с двойной силой — она куда злее, чем в самый яростный буран. Шэнь Чжиюй едва успел устроиться за судейским столом, как уже дважды чихнул.

Юань Чэ сидел по правую руку от него, так близко, что их разделяло едва ли пол-локтя. Когда Чжиюй чихнул в третий раз, император отложил исписанный свиток с признательными показаниями и пристально посмотрел на него.

Шэнь Чжиюй вопросительно приподнял бровь.

— Что я говорил тебе сегодня утром? — Юань Чэ потянул за край его тонкого одеяния, разочарованно качая головой. — Наказывал же одеться потеплее. И это, по-твоему, «потеплее»?

Шэнь Чжиюй лишь промолчал, не находя слов.

Его Величество несколько не стеснялся присутствующих. Выстроившиеся по обе стороны зала воины-гуйжун с обнаженными клинками замерли, не смея шевельнуться. Лишь пара гвардейцев скосила глаза вверх, но тут же поспешно уставилась в пол.

Если после битвы за столицу гуйжунцы терпели Шэнь Чжиюя лишь из уважения к своему повелителю, выказывая ему холодную вежливость, то после тонкой дипломатической игры в царстве Ли их отношение в корне изменилось. Теперь к бывшему канцлеру вражеской империи они питали искреннее, глубокое почтение.

Шэнь Чжиюй напоминал старинный, закаленный во многих битвах клинок: пусть его сталь потемнела от времени и покрылась зазубринами, но стоило вынуть его из ножен — и он без промаха разил врага прямо в горло.

Один из гвардейцев, стоявших у самых дверей, бесшумно вышел из строя и, почтительно склонив голову, покинул залу, чтобы принести канцлеру теплое платье.

— Мне не холодно, согрейся ты, — Юань Чэ размашистым движением сбросил с плеч тяжелый меховой плащ и накинул его на плечи Шэнь Чжиюя, после чего вновь углубился в чтение документов.

Но не успел он пробежать глазами и строчки, как устало потер переносицу.

— Все те же дворцовые дразги и тайны, — Шэнь Чжиюй плотнее запахнул плащ, пахнувший морозом и чужим теплом, и принял чашу с горячим отваром из рук подошедшей служанки. — Ничего нового. Вели привести пленника, я сам его допрошу.

Юань Чэ уставился на четыре иероглифа в свитке — «один из наложников» — и глухо усмехнулся:

— Какая гнусность. Не думал, что у них там столь извращенные нравы.

Человеком, которого Юань Чэ велел доставить на допрос, был Кун Яньцю.

Его откопали из-под обломков вчера во время разбора завалов. Подлецу невероятно повезло: в самый последний миг, когда все вокруг рушилось, он, подобно Юань Чэ, сумел укрыться в каменной нише и уцелел.

В суматохе первых дней победы им никто не занимался. Убедившись, что пленник дышит, его без лишних церемоний бросили в Императорскую тюрьму. И лишь когда улеглись первые страсти и воцарился порядок, о нем наконец вспомнили.

Воинство царства Ци отступило стремительно, словно крысы, разбегающиеся по норам, — взять живым никого не удалось. К счастью, лазутчики донесли, что у Кун Яньцю было тайное поместье прямо в столице царства Ли. По тревоге подняли конницу гуйжун: усадьбу окружили под покровом ночи, перевернули вверх дном и взяли под стражу всю челядь.

Там-то и вскрылось нечто весьма любопытное: личные вещи, утварь и даже столовые приборы в покоях хозяина были приготовлены на двоих. Выходило, что в усадьбе постоянно проживал кто-то еще.

Командиры гуйжунцев тут же удвоили бдительность. Пока одни прочесывали городские кварталы, другие принялись с пристрастием допрашивать слуг. Наконец, после недолгого дознания, старый счетовод не выдержал и заговорил.

Оказалось, что положение Кун Яньцю было куда тоньше и грязнее, чем виделось со стороны. Он служил князю Ци не просто преданным шпионом и тайным советником при чужом дворе — он был его излюбленной постельной игрушкой.

Одной из многих.

Князь Ци Ли Чжо тайно наносил визиты в царство Ли каждые четыре месяца, проводя в усадьбе от пяти до десяти дней. В эти периоды Кун Яньцю запирался в покоях и никого не принимал. Так продолжалось долгих десять лет.

— Пощадите, все скажу!.. — скулил несчастный счетовод в Императорской тюрьме, глядя на шипящее клеймо в руках палача. От ужаса у него подгибались колени, и он выкладывал все подряд, не разбирая, важно это или нет. — Одна из служанок... она как-то подслушала их разговор! Князь Ци... шептал господину Куну, что без ума от уродливого шрама на его лице!

Особая страсть к шрамам? Допрашивавший воитель подивился столь причудливым порокам иноземного владыки, велел счетоводу приложить палец к бумаге и немедленно доставил признание Юань Чэ. Император медлить не стал — приказал доставить Кун Яньцю пред очи.

За дверью послышался приглушенный скрежет шагов. Конвоиры вволокли Кун Яньцю под мышки. На нем не было кандалов — они ни к чему калеке, едва цеплявшемуся за жизнь. Юань Чэ поначалу собирался казнить предателя, но рассудил, что тот еще может пригодиться, и повелел лишь раздробить ему правую голень. На колени несчастный упасть не мог — раненая нога не держала. Воины-гуйжун, подметив, что пленник слишком удобно устроился, повиснув на их плечах, грубо толкнули его ниц, придавив тяжелыми дланями к холодному каменному полу, так что тот не мог даже приподнять головы.

Лишь когда под лицом Кун Яньцю от соленого пота натекла небольшая лужица, Юань Чэ едва заметно кивнул. Стражники отступили. Пленник мешком рухнул на плиты, хрипло, со свистом втягивая воздух разбитыми губами. Кое-как приподнявшись на дрожащих руках, он вскинул голову и встретился взглядом с Юань Чэ. Во второй раз в жизни он стоял перед этим властелином. Подавляющая мощь и дикая, смертоносная угроза исходили от каждого движения императора.

Затем его взгляд переместился на Шэнь Чжияю. Бывший канцлер восседал по правую руку от императора, укутанный в явно великое ему с царского плеча меховое одеяние...

— Ха-ха... — Кун Яньцю зашелся сухим, надсадным кашлем, перешедшим в хриплый смех. — Шэнь Чжияю... Тебе стоит благодарить богов за то, какими чертами тебя наделили родители. Красивое личико — воистину великий дар.

Брови Юань Чэ сошлись у переносицы, а пальцы стиснули подлокотник кресла — он сразу вспомнил те позорные слова из свитка. Кун Яньцю смел глумиться над Шэнь Чжияю, приравнивая его к себе. «Смертник», — холодно подумал император, готовый сорвать голову наглецу. Но под столом теплая ладонь мягко накрыла его напряженную руку и слегка сжала пальцы, сдерживая вспышку гнева.

— Каждому оружию находится свое применение, — ровным голосом парировал Шэнь Чжияю, пропустив оскорбление мимо ушей. Он перевел взгляд на калеку. — Знаешь ли ты, почему до сих пор дышишь?

— Даже не пытайся выведать у меня тайны господина, — процедил сквозь зубы Кун Яньцю.

— Князь Ци бросил тебя и ушел налегке, — Шэнь Чжияю бил точно в слабое место, взламывая его защиту. — Он предал тебя. Теперь ты не более чем отыгранная фигура на доске.

— Лжешь! — ожидаемо вспыхнул пленник, теряя самообладание. — Отступление князя было мудрым решением! Единственно верным шагом!

Тут Юань Чэ презрительно рассмеялся. Этот низкий, рокошущий звук заставил всех вздрогнуть. Небрежно покрутив в руках свитки, император бросил их прямо к лицу раненого. Лист, на котором размашистым почерком палача было выведено «один из наложников», упал прямо перед глазами Кун Яньцю.

— Единственно верным? — с ядом в голосе повторил Юань Чэ. — Сбежать, спасая собственную шкуру и бросив прихвостней на растерзание, — это у вас теперь зовется величием?

Кун Яньцю задышал тяжело, прерывисто. С той самой секунды, когда пламя охватило усадьбу, весь его мир рушился, крича об одном: князь Ци вычеркнул его из жизни как ненужный сор. И все же признать это вслух для Кун Яньцю было равносильно смерти — мешала как слепая преданность, так и страх перед неминуемой расправой.

Покажи он слабость, путь назад, в царство Ци, закроется навсегда. К тому же Юань Чэ и Шэнь Чжияй мгновенно нащупают его уязвимость. Стоит выдать свой самый сокровенный страх, утратить ценность — и тебя тут же пустят под нож.

Видя, как под гнетом сомнений рушится воля допрашиваемого, Шэнь Чжияй нанес решающий удар:

— Князь Ци держал тебя в царстве Ли целое десятилетие. Слишком долгий срок для обычного шпионажа. Говори, какую задачу он возложил на тебя?

Это был безупречный психологический прием. Внушив пленнику мысль о предательстве господина и заставив Юань Чэ подтвердить ее, Шэнь Чжияй отсек все пути к отступлению. Теперь, даже если Кун Яньцю вздумает отпираться, его разум уже увяз в расставленной ловушке и неосознанно следовал по указке искусного манипулятора.

— Князь грезил о власти над землями Ли! — упрямо выкрикнул Кун Яньцю. — Разве этого мало?

— Нет, — мягко покачал головой Шэнь Чжияй.

Его тон сделался почти ласковым. Под изумленными взглядами стражи он поднялся и медленно сошел с возвышения. Юань Чэ потянулся было, чтобы удержать его, опасаясь за неокрепшее здоровье возлюбленного, но Чжияй едва заметным жестом остановил его. Левое предплечье канцлера все еще стягивали плотные лубки и бинты, от него пахло горькими мазями, а виновник его увечий жалко пресмыкался у его ног. И все же Шэнь Чжияй заговорил без капли злобы:

— Неужели ты до сих пор не понял, что он водил тебя за нос?

Кун Яньцю растерянно вскинул голову.

— Он обманул вас всех, — Шэнь Чжияй опустил перед ним на корточки и бережным, почти отеческим движением убрал прилипшую к чужим волосам солому. — Разослал своих верных слуг по уделам и вассальным княжествам, заставив каждого верить, будто тот вершит нечто великое ради их общей тайной любви. Вы пали жертвой его коварства. Но не стоит винить себя — ослепленные преданностью часто совершают ошибки. Расскажи мне все, и мы сотрем обидчика в порошок.

Чжияй намеренно сказал «вас всех», а не «тебя». Этим простым словом он окончательно разрушил иллюзию Кун Яньцю о собственной исключительности в глазах государя Ци.

— Лживая тварь... Это ложь! — Кун Яньцю затрясся, силясь сохранить остатки рассудка. Он понимал, что бывший канцлер сладко поет лишь для того, чтобы выпотрошить его душу. Внезапно, поддавшись отчаянию, калека извернулся и с яростным хрипом бросился на Шэнь Чжияй!

Чжияй не ожидал нападения и покачнулся, теряя равновесие. Но Юань Чэ среагировал быстрее молнии. Перемахнув через массивный стол, он подхватил Шэнь Чжияя за талию, уберегая от падения, и одновременно мощным ударом ноги отшвырнул безумца назад. В ту же секунду гвардейцы коршунами налетели на Кун Яньцю, намертво вдавив его лицом в каменный пол.

Окончательно обезумев от боли и унижения, Кун Яньцю забился под сапогами стражников, истошно вопя:

— Шэнь Чжияй! Тебе не рассорить нас! Князь Ци не такой! Он вернется за мной, обязательно спасет! А вот ты... ты всегда был и останешься паршивым изменником!

Юань Чэ бережно прижимал Шэнь Чжияя к себе. В его глазах полыхало такое неистовство, что казалось, он готов разорвать пленника собственными руками. Император рывкнул стражам:

— Чего застыли, псы?! Волоките его на плаху!

Ратники подхватили калеку под мышки и поволокли к выходу. Поняв, что смерть близка, Кун Яньцю растерял всю свою спесь. Страх перед небытием заставил его истошно закричать:

— Не смейте трогать меня! Если я умру, ваш драгоценный канцлер не протянет и месяца! Слышишь, варвар?! Он отправится в могилу следом за мной!

Воины невольно помедлили и переглянулись, ожидая приказа владыки.

— Ха-ха-ха! — надрывался Кун Яньцю, брызжа слюной. Куда делось его бывшее благородство? Теперь перед ними предстал лишь жалкий, загнанный в угол зверь. — Ну что, страшно

потерять его?! Давай же, прикажи отрубить мне голову! Яд, которым Чжао Ко отравил Шэнь Чжиюя, медленно разъедает его изнутри, а спасительное средство есть только у меня! Казни меня — и он последует за мной в преисподнюю!

Кулаки Юань Чэ сжались с глухим хрустом, но Шэнь Чжиюй лишь тихо, беззаботно рассмеялся. Мягко убрав руку императора со своей талии, он подошел ближе к хрипящему безумцу.

— Ты умен, спору нет, и расставил сети искусно, — прошептал канцлер, наклоняясь к самому его уху. — Но в одном ты жестоко просчитался.

Шэнь Чжиюй выдохнул несколько едва слышных слов. Кун Яньцю замер, словно пораженный громом, его глаза расширились от дикого, нечеловеческого ужаса.

Спустя мгновение обмякшего, лишившегося последних сил пленника уволокли прочь.

Шэнь Чжиюй спокойно собрал разбросанные по залу бумаги, аккуратно сложил их стопкой и постучил краем по столу, выравнивая листы. Заметив, что император все еще стоит посреди комнаты, помрачнев лицом, он лукаво улыбнулся:

— Его Величество, где же твое хваленое бесстрашие? Неужели тебя испугали пустые угрозы калеки?

Юань Чэ лишь угрюмо молчал в ответ.

— Моего «бесстрашия» действительно не хватает на то, — процедил Юань Чэ сквозь зубы, — чтобы бездумно пить всякую гадость и позволять врагам держать твою жизнь на привязи.

— Обстоятельства порой сильнее нас, — примиряюще произнес Шэнь Чжиюй, не удержавшись от улыбки при виде его сердитого лица. — Не тревожься. Раз уж он так отчаянно цепляется за жизнь, то знает: моя кончина станет его собственным смертным приговором. Он пылинки с меня сдувать будет.

Юань Чэ скрестил руки на груди, сверля его недовольным взглядом.

— Ну же, не хмурься. Лучше взгляни сюда, — канцлер отвел глаза, слегка смутившись под этим горячим взором, обмакнул кисть в тушь и сделал несколько пометок на полях свитка. — Посмотри, что мне удалось вычленивать из показаний.

Юань Чэ с напускным недовольством вырвал бумагу из его рук, расправил её и принялся за чтение.

Спустя мгновение его глаза расширились, и он резко вскинул голову:

— Неужели этот паршивец раскинул столь огромную сеть?!

— Нам еще предстоит выяснить множество мелочей, — задумчиво проговорил Шэнь Чжияй. — Однако общие очертания заговора ясны. Князь Ци метит куда выше, чем кажется на первый взгляд.

Дни полетели со стремительностью горного обвала. Минул незаметно целый месяц.

Простые жители царства Ли по своей природе были медлительны и податливы: их легко было увлечь красивыми речами, но одного лишь пыла мало — огонь в сердцах требовалось постоянно поддерживать делом, пока не угасла первая решимость.

Все это время Юань Чэ разрывался между укреплением войска и обустройством мирной жизни. Шэнь Чжияй, чей былой статус первого сановника Великой Чу все еще смущал умы побежденных, предпочитал не показываться на людях. Он оставался в тени, направляя действия молодого императора своей мудрой рукой.

Царство Ли приросло новыми землями, но эти уголья требовалось разумно распределить, упорядочить налоговое бремя и защитить крестьян от посягательств алчных чинуш. Задачи эти на первый взгляд казались пустяковыми, однако требовали скрупулезного труда, иначе хаоса и бунтов было не избежать.

В один из таких бесконечно долгих дней, когда заботы затянули Юань Чэ до глубокой ночи, он вернулся в свои покои лишь в час Крысы. Тихо отворив дверь, он застал Шэнь Чжияя за работой: тот уже переоделся в легкое ночное платье и полулежал на тахте, однако при тусклом свете масляного светильника все еще выводил что-то кистью на разложенных листах.

— Полно тебе, — Юань Чэ мягко забрал у него кисть и отложил в сторону. — Глаза испортишь.

Прерванный на полуслове Шэнь Чжияй нахмурился, собираясь отчитать незваного гостя, но не успел вымолвить и слова. Юань Чэ бесцеремонно рухнул на тахту, уложив тяжелую голову прямо ему на колени. Ткнув пальцем себе в лоб, он жалобно заворчал:

— Раскалывается... Разотри мне виски, а?

— Для подобных услуг держат служанок, — пробормотал Чжияй, однако пальцы его уже потянулись к шпильке в царских волосах. Распустив тяжелую гриву, он принялся мягко массировать его виски. — Где же тебя так измотали?

Юань Чэ замер, довольно сопя, словно прирученный степной волк, которого ласково чешут за ухом. Он прикрыл глаза и то и дело поводил головой, подставляя под умелые пальцы то затылок, то шею.

— Тебе тоже не помешало бы вздремнуть, — выдохнул Юань Чэ, вдоволь насладившись лаской, и приподнялся на локте. Его взгляд упал на исписанные листки. — Разве ты не говорил, что первый набросок Свода законов Ли уже завершен? Погоди... Что это?

Вместо стройных столбцов законов бумага была испещрена странными переплетениями линий и набросками знаков, многие из которых были яростно замараны тушью.

Шэнь Чжияу устало прижал ладони к лицу:

— Кун Яньцю несколько раз повторил, что я когда-то предал князя Ци. Но в моей памяти об этом нет ни единого воспоминания. Пытаюсь нащупать хоть какую-то ниточку, связывающую прошлое... Ты сам ничего не помнишь из тех времен?

Юань Чэ хмуро покачал головой.

Чжияу и не надеялся на его помощь: Юань Чэ попал в столицу совсем ребенком, к тому же на правах иноземного заложника — кто бы позволил ему соприкоснуться с тайнами императорской семьи?

— Пустяки, — вздохнул он. — Не бери в голову. Пора отдыхать.

К концу месяца благодаря нечеловеческим усилиям Шэнь Чжияу Свод законов Ли был наконец завершен. Писари подготовили сотни копий, которые ранним утром расклеили на всех перекрестках и площадях столицы.

С этого дня жизнь в разоренном царстве начала медленно входить в колею. Место бывшего упадка и праздной роскоши заняли порядок и созидательный труд. Узнав о первых успехах, Юань Чэ пришел в восторг. Забросив военные учения, он помчался в город прямо из загородного лагеря. Жители столицы еще долго дивились, видя, как сквозь городские ворота летит их лихой повелитель верхом на могучем полярном волке.

— Эй, Чжияу! Дела ведь закончены? — Юань Чэ с шумом распахнул двери покоев, даже не успев переступить порог. — Хватит чахнуть в четырех стенах, поехали со мной! Мои люди нашли в горах дивный горячий источник, вода — чистый бархат. Вели Сяо Си-цзы собрать вещи, смоем с себя дорожную пыль!

Ответом ему была лишь звенящая тишина.

— Чжияу? — Юань Чэ заглянул в одну комнату, затем в другую. — Господин канцлер?

Прошло немало времени, но никто так и не отозвался. Тревожное предчувствие кольнуло сердце императора. Он бросился к ложу Шэнь Чжия и замер: прямо на шелковой подушке лежал аккуратно сложенный лист бумаги.

Развернув послание, Юань Чэ быстро пробежал глазами короткие строки:

«Вниманию Его Величества. Царство Ли возрождено из пепла. Наш союз исчерпал себя».

Шэнь Чжия покинул дворец еще на рассвете, забрав с собой Вэй Си.

Столица Великой Чу.

После недавнего промаха спесь Ин-эр заметно поутихла. Теперь она прилежно, без лишних пререканий носила еду молодому принцу Ли Хая. Сам пленник тоже вел себя на удивление смирно — если и капризничал изредка, то вполне в рамках дозволенного для изнеженного юноши голубых кровей.

Однако сегодня, отложив палочки после трапезы, Ли Хай удержал служанку жестом. Он попросил её подождать, сказав, что должен передать с ней одну важную вещь.

Ин-эр удивилась, но расспрашивать не решилась. Сдержанно кивнув, она осталась стоять у стола, пока принц неторопливо выходил во внутренний дворик.

Время было далеко за полдень, а юноша все не возвращался. Заподозрив неладное и опасаясь новой каверзы со стороны знатного заложника, Ин-эр решила проверить, куда он запропастился.

Но стоило ей переступить порог флигеля, как из полумрака выметнулась прочная веревочная петля. Она мгновенно захлестнула её шею и с силой затянулась. Воздух с хрипом вырвался из груди, тонкие позвонки жалобно хрустнули. Ин-эр не успела издать ни звука — лишь судорожно взмахнула руками, прежде чем те безжизненно повисли вдоль тела.

Лишь когда тело служанки затихло на земле, из тени пристройки неторопливо вышел Ли Хай. Он брезгливо присел перед телом, вглядываясь в застывшие черты лица Ин-эр, а затем поднял глаза на стоявшую в тени фигуру:

— Она мертва?